

*Знаю, висел я
в ветвях на ветру
девять долгих ночей,
пронзенный копьем,
посвященный Одину,
в жертву себе же,
на дереве том,
чьи корни сокрыты
в недрах неведомых.¹*

С т а р ш а я Э д д а. Речи Высокого

---

¹ Перевод с древнеисландского А. Корсуна. Цит. по изданию: Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. — М.: Художественная литература, 1975. — *Прим. ред.*

ШТОРМ

Я не сразу расслышала телефонный звонок. Вообще мало что слышишь, когда ладонями закрываешь уши и вчитываешься в текст на мониторе. Корректуру сказки предстояло сдать уже в понедельник, а риск провалить первое самостоятельное задание в должности стажера рос пропорционально усилению голосов Микеля, Кристины и Лотты. Даже сквозь плотно сомкнутые пальцы проникали вопли соседей по съемной квартире, на этот раз сцепившихся не на шутку.

— Не собираюсь я звонить этой шизанутой! — кричал Микель со стороны ванной, где его осадили девчонки-сокурсницы. — Она больная на всю голову. Мне моя жизнь дороже каких-то задрипанных тапок!

— Ниче они не задрипанные! — задыхаясь от Микелевой наглости, визжала Кристина. — Это, между прочим, реквизит. У нас представление в воскресенье, завтра — генеральная репетиция, а волк как будет выходить на сцену, в носках?!

— И зачем твоей подружке тапки понадобились? — вступала вторым голосом Лотта, колотясь в дверь ванной: очевидно, Микель заперся, опасаясь коллективного девичьего гнева. — Они же сорок пятого размера. И на них вообще когти.

— Может, у нее ноги мерзли! — из последних сил защищался загнанный в кафельную ловушку парень. — И вообще, она русская. У них принято в тапках дома ходить. А других у нас не было.

— А *выходить* из дому в тапках у них тоже принято? При чем в чужих? — не унималась Кристина.

— Ага, и с чужой заколкой в крашенных патлах! — вторила ей Лотта, ставшая еще одной жертвой последней Микелевой пассии. — А мне эту заколку подарили, между прочим. Аж из Венгрии привезли. Ручная работа, художественнаяковка.

Тут ко мне в уши и пробился трезвон мобильного. Не глядя, я протянула руку, разворошила кипу распечаток на столе

и вытянула наружу черный «самсунг». Незнакомый номер начинался с +44. Звонок из-за рубежа. Наверняка ошиблись номером или хотят что-то продать. Вон Микелю вечно звонят из Индии насчет виагры. Хотя ему только виагры для счастья не хватало.

Я сбросила вызов и снова закрыла ладонью ухо, в которое успело ворваться продолжение перепалки:

— И вообще, она, наверно, уже укатила.

— Куда?

— В Россию свою, куда же еще.

— В моих тапках?!

— Ага. По Красной площади теперь цокает. Когтями.

— Микель! — Кажется, Кристина и Лотта вдвоем навалились на дверь ванной.

Я вздохнула и исправила «пядесят» на «пятьдесят» в предложении о количестве драконов. Не понятно, как вообще столько гигантских ящеров могло уместиться на острове двадцати метров в диаметре. Даже если это сказка. Они ведь не водоплавающие. Хотя жизнь, конечно, часто удивляет. Вот, например, Микель. Мы с Лоттой и Крис решили взять его в долю и позволили занять самую маленькую комнату в студенческой квартирке только потому, что были уверены: парень — гей. Одни его розовые футболки и джинсы в цветных заплатках чего стоили. А еще свисающая на нос челка, крашенная в синий цвет; пирсинги, включая колечки в сосках, отчетливо проступающие сквозь ткань тех самых футболок; черный лак на ногтях... И вот поди ж ты. Такого бабника пришлось бы поискать! И ладно еще, что он без всякого стеснения таскал бесконечных подружек к себе в комнату и оттуда потом часами доносились красноречивые звуки. Но у Микеля оказался не просто дурной, а раздражающе отвратительный вкус.

То он заявлялся с бомжеватого вида костлявым нечто, опустошавшим холодильник, невзирая на аккуратные надписи, отмечающие, кому принадлежат продукты на каждой полке. То с арабкой в хиджабе, которая засоряла сток в душе лобковыми волосами, а потом натравливала своих правоверных братьев на Микеля, и у бедняги неделями не сходили синяки. Дольше

всех продержалась негритянка с торчавшей от поясницы под прямым углом невероятной жопой, обожавшая развешивать на наших стульях слоновьи футболки, едко воняющие потом. Сменила ее та самая русская, дефилировавшая по квартире в реквизитных меховых тапках с когтями и занятом у меня шелковым халатике, очень небрежно запахнутом в стратегических местах. Странно, кстати, почему она не увела и халат. Впрочем, возможно, у меня пропало что-то другое. Я не проверяла.

Блин, снова звонят. Придется ответить и, если это волшебная омолаживающая косметика, послать их... да вон к тому же Микелю. Пусть с русской поменяется на тапки.

— Да заглохните там уже! — рявкнула я, вытягивая руку с телефоном вверх. — Звонят... Алло? — Я зажала мобильник между ухом и плечом, торопясь поставить запяную, отсутствие которой только что заметила. — Чили слушает.

— Генри Кавендиш. «Некст менеджмент», Лондон, — прозвучал в динамике мягкий мужской голос. Английский был одобрен британским акцентом, напомнившим мне сериал об инспекторе Барнаби. — Вы меня не знаете, но... — Мужчина слегка замялся. — У нас есть кое-что общее. Я бы хотел поговорить с вами о Шторме.

Я машинально глянула в окно. Голые ветви деревьев раскачивались от порывов ветра; между ветками вспыхивали искрами прошедшего праздника нити елочного дождика. Погода, конечно, мерзкая, но до настоящего шторма еще далеко. Мне ли, прожившей пять лет на юго-западном побережье, этого не знать.

Тут я сообразила, что загадочный мистер Кавендиш вряд ли интересуется местной погодой.

— Вы ошиблись номером, — ответила я, беря телефон в руку и прикрывая микрофон от совершенно не рабочего гвалта, все еще доносившегося со стороны ванной. Наверное, «Шторм» — новый роман, который переводят в издательстве. С тех пор как мой номер выложили на сайте «Турбины» в разделе «Наши сотрудники», мне уже несколько раз звонили авторы и литагенты — очевидно, когда не могли поймать редактора. — Я всего лишь стажер. А вам, наверное, нужна

Анетта из отдела переводной литературы. Сейчас поищу ее номер... — Я открыла на ноуте вкладку с сайтом редакции.

— Нет, мисс Даль, мне нужны именно вы, — терпеливо выслушав меня, настойчиво сказал незнакомец. — Вы ведь знали Шторма, только под другим именем. Дэвид. Дэвид Винтермарк. Шторм — это псевдоним. Я полагал, вам это известно...

Строчки на экране расплылись. Звуки чужого языка перемешались, лишая слова смысла. Мне захотелось сесть, но оказалось, что я уже сижу, хотя ноги не чувствовали пола.

Этот человек сказал *Дэвид*.

Внезапно я вижу его так, как видела, обращившись за своей партой. Серая в синюю клетку фланелевая рубашка расстегнута, ткань на локте протерлась до паутиной тонкости. Надпись *Snow Patrol* почти не различима на выдавшей виды футболке.

Его голова склонена над тетрадью: отросшие темные волосы топорщатся на шее, падают на глаза. Обтрепанный рукав без пуговиц скрывает кисть до кончиков пальцев, сжимающих ручку. Мальчик ерошит челку обгрызленным колпачком, закусывает нижнюю губу. И вдруг, словно почувствовав мой взгляд, смотрит прямо на меня. Светлая радужка ртутно блестит между грязноватых прядей — словно испуганная рыбка, застывшая в темной глубине.

Я зажмурилась, потеряла свободной рукой веки, которые болезненно покалывало с внутренней стороны.

— ...дружили с ним в детстве, так? — донесся до меня голос англичанина — глухой, будто в уши мне натолкали вату.

— Дружили? — медленно повторила я, едва узнавая собственный голос. — Мы учились в одном классе. Жили по соседству. Но совсем недолго, так что...

— Он говорил, вы были его лучшим и единственным другом.

Из горла вылетел то ли смешок, то ли всхлип.

— Дэвид так говорил?! — Полузабытое имя само собой сорвалось с языка. Оно показалось чужим и тяжелым, как камень. Камень, который долго лежал на берегу, прежде чем его сдвинули с места и подняли. Куда он теперь упадет? Внезапно меня охватила запоздалая подозрительность. — А откуда вы его знаете?

— Простите, мне следовало сразу объяснить. — В баритоне невидимого собеседника зазвучали виноватые нотки. — Я — агент Шторма. То есть Дэвида. Он улетел в Данию четыре дня назад — повидать больную мать. И с тех пор от него ни слуху ни духу. Шторм должен был вернуться в Лондон сегодня утром, но так и не появился. Я очень волнуюсь: это совсем на него не похоже. Он обязательный парень, если бы что-то случилось — позвонил бы уже сто раз. На следующей неделе у нас поездка в Японию, может сорваться крупный контракт.

В голове у меня все смешалось. Лондон? Агент? А теперь еще Япония. Впрочем, почему бы Дэвиду и не оказаться в Лондоне. Ведь где-то же он есть. То, что я не думала о нем почти десять лет... То, что я запретила себе думать, не означает, что Дэвид умер для всего мира. А мне хотелось бы, чтобы он умер не только для меня? Что за ерунда! Он же ничего мне не сделал. Да, вот именно. Ничего. Или все. А я...

— Вы уверены, что мы говорим об одном и том же Дэвиде? — вырвалось у меня.

— А что вызывает у вас сомнения? — В голосе агента засквозило напряжение, британский акцент стал отчетливей.

«Сюзанна, вот что! — чуть не заорала я. — Дэвид — тот Дэвид, которого я знала — никогда бы не вернулся домой, пусть даже его мать лежала бы в луже собственной мочи в хосписе, а если бы и вернулся, то только для того, чтобы лично ускорить ее переход в мир иной... А может, — осенила меня внезапная мысль, отзываясь ледяной щекоткой в кончиках пальцев, — именно для этого он и приехал?»

— Прошло столько лет, — пробормотала я, лихорадочно соображая. Что может знать этот агент? Едва ли Дэвид с ним близок. Хотя... рассказал же он Кавендишу о «лучшем друге». — Почему вы звоните именно мне? Если... — Мне пришлось сделать усилие, чтобы произнести имя, которое казалось наиболее безопасным. — Если Шторм навещал мать, то не логичнее было бы спросить в больнице или у его семьи?

Собеседник тяжело вздохнул.

— В том-то и дело. Пришлось повозиться, чтобы раздобыть нужные номера, но... родственники Дэвида не видели. Ни

в больнице, ни дома он не появлялся. Вот я и подумал: может быть, вы?..

Незавершенный вопрос повис в пространстве. Все это не имело никакого смысла.

— Мистер Кавендиш, — я постаралась, чтобы голос звучал твердо, — сегодня я услышала о Дэвиде впервые за десять лет. От вас. Так что, боюсь, ничем помочь не смогу.

— Что ж... — Человек по ту сторону Северного моря колебался. Неужели не верит мне? — Тогда прошу прощения за беспокойство. Однако... Если Шторм все-таки объявится... Не передадите ему, чтобы срочно мне позвонил?

Я пообещала, как будто такая возможность действительно существовала. Кавендиш уже прощался, когда я неожиданно для себя самой прервала его:

— Скажите, а... где можно купить книги Дэвида? То есть... Не могли бы вы подсказать пару названий? — Загадочное молчание англичанина подстегивало. Неужели Шторм так известен? Вроде бы я слежу за новинками, особенно англоязычными, но совершенно не помню автора с таким именем. — Хотя вот что: я сама могу их найти на сайте издательства. С каким вы сотрудничаете?

В телефоне послышалось хмыканье, похожее на подавленный смешок.

— Мисс Даль, к сожалению, я имею очень далекое отношение к миру литературы, впрочем, как и мой клиент. Шторм — не писатель. Он модель.

Настала моя очередь смеяться. Я хохотала, а мир вокруг затягивала прозрачная пелена слез. Надо же, а я на миг подумала... Полный тезка, бывает же такое совпадение. Да, и еще где-то в этой маленькой, затерянной на карте мира стране есть другая девушка с именем Чили. Которой повезло быть соседкой мальчика по имени Дэвид. Все это, конечно, просто чья-то идиотская шутка. А *мистер Кавендиш* неплохо подделал лондонский выговор.

— Не вижу в этом ничего забавного. — Голос в телефоне похолодел сразу на сотню градусов. — Взгляните на обложку «Л'Оффисиель хоммес» за лето прошлого года. Если, конечно, вам действительно интересно, чем занимается Дэвид.

В ухе запищали короткие гудки.

— Хоть один человек в этой гребаной хате чему-то радуется! — Кристина хлопнулась на кресло-качалку у окна и гневно вытянула в мою сторону ноги в пушистых носках.

Ее появление выдернуло меня из астрала и вернуло в собственное тело. Правый носок почти протерся на большом пальце. Я смотрела на недодырку в розовой махре и чувствовала, как отпускает сведенные напряжением мышцы: будто не по телефону поговорила, а выходила в глубокий космос.

— Хорошие новости? — Крис дернула подбородком на мобильник, который я все еще сжимала в руке. Челюсти ее интенсивно двигались: наша «звезда сцены» бросала курить, переключившись на жвачку.

Я сунула «самсунг» в кипу бумаг на столе и снова потеряла глаза.

— Да просто тупой телефонный розыгрыш. Как там Микель? Жив еще?

— Что ему станется! — фыркнула Кристина и энергично закачалась в кресле. — Мы с Лоттой решили: ищем новую соседку. И как только найдем — озабоченному Лисенку¹ пинок под зад и адиос. Ты с нами?

Я отрешенно кивнула, набирая название модного журнала в строке поиска. Конечно, ничего такого там не могло быть. Просто хотела убедиться. До конца.

Ага, вот и нужная картинка. Сейчас увеличим...

Куда ты пойдешь, когда у тебя на плечах вся тяжесть мира? Какую бы дорогу ты ни выбрал, она все равно приведет тебя к началу. Чем быстрее ты будешь бежать, тем раньше вернешься в исходную точку. Ты можешь только блуждать по кругу, создавая видимость движения, но ты так же прочно насажен на крючок, как часовая стрелка нанизана на ось. В чем же тогда смысл метаний, принцесса?

— У-у, какой красавчик! — Над ухом зачавкало жвачкой, запахло смесью клубники и химии. — Я на таких прям теку. — Обтянутая футболкой грудь Крис мазнула меня по

---

¹ Микель — прозвище лисицы в датской фольклорной традиции, как, например, в русском фольклоре Косой — прозвище зайца. — *Здесь и далее примечания автора, кроме особо оговоренных.*

плечу, теплые руки обвили шею. — Ты мужской модой интересуешься или от недотраха парней разглядываешь?

— Просто для редакции нужно было кое-что проверить, — соврала я и быстро перевела курсор к крестику на экране, чтоб закрыть вкладку.

— Подожди! — Кристина прижала мою руку с мышкой. — Это фотожаба, или у него правда глаза...

Мне удалось свободной рукой ткнуть в кнопку выключения компа. Экран почернел и погас. Я выскользнула из объятий Крис и вылетела на балкон — пяточок бетона, окруженный перилами, между прутьев которых грустно свисали стебли засохших цветов. Холодный воздух рванулся в легкие, ветер дернул за полы кофты. Я привалилась спиной к стеклянной двери.

Почему Дэвида сняли именно так? С влажной челкой, спадающей на лоб, мокрым лицом и таким цепким взглядом, словно он до боли всматривается во что-то по ту сторону объектива? Зачем сделали изображение монохромным? Почему не загризировали шрам, ставший продолжением левой брови?

У него появился пирсинг в нижней губе. И татуировка на шее — что именно, я не успела разглядеть. Но это, несомненно, был он, Дэвид. Сходство пугало. Как человек мог измениться настолько и в то же время остаться прежним? Дэвид, которого я знала, ненавидел, когда на него пялились. Больше всего на свете он хотел быть обычным, незаметным, невидимым. Общее внимание было для него худшей пыткой. Теперь на него беспрепятственно мог смотреть любой. Более того, собственное лицо взирало на него с витрин, экранов, прилавков магазинов. Дэвид ненавидел свое лицо. Шрам тому доказательство. А теперь он даже его выставил напоказ.

Нет, это не Дэвид. Не может быть Дэвид. Разве что в его теле поселился двойник — Шторм.

В стекло за спиной постучали.

— Чили? С тобой все в порядке?

Я вздрогнула и, зябко поежившись, обхватила себя руками. Холодно. Господи, как же тут холодно!

ДОМ НА КРАЮ СВЕТА

ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД

12 октября

Я всегда думала, что «край света» — это просто устойчивое выражение вроде «у тебя не все дома» или «на льду нет коровы»¹. Папа сказал бы: фразеологизм. Он учитель, мой папа. Языки, история, обществоведение. Типичный гуманитарий в мятых вельветовых штанах и с очками на носу. Может, для него «край света» так и остался речевым оборотом. А я сегодня узнала, где он, этот край. Он находится в местечке под названием Хольстед. Хотя правильнее ему было бы зваться *Хульстедом* — это та еще дыра.²

Представь, дорогой дневник, еще утром ты живешь в городе, где почти не видно неба — всюду торчат стены, над ними — крыши и церковные шпили, а там, где все-таки пробился серый клочок, он испещрен голубыми, или расчерчен белыми следами от самолетов, или дымом из труб, или... В общем, обжитое оно, это небо. Такое же, как улицы под ним — запруженные людьми, велосипедами, машинами, автобусами. Небо отражается в лужах, а лужи отражаются в нем — вот в каком городе я жила всю свою жизнь: шумном, не очень чистом, пестром, иногда вонючем, — и всегда на бегу, частенько навеселе, а иногда и под кайфом.

И вот ты говоришь ему «Прощай!», закидываешь упакованные вещички в багажник семейной машины, пристегиваешься рядом с папой и, проторчав часок в пробках, выкатываешься наконец на скоростное шоссе. Жаришь по нему — но не слишком быстро, потому что впереди едет грузовик с нашей мебелью. Все, конечно, в него не влезло. Но там мое любимое кресло-качалка. И папин письменный стол — ореховый мастодонт

---

¹ Датский устойчивый оборот «на льду нет коровы» синонимичен фразе «нет проблем».

² По-датски hul означает «дырка».

с ящиками и шкафчиками по обе стороны. И бабушкин буфет, который достался мне в наследство. И куча чего еще.

Дорога прямая, почти без поворотов. По сторонам — звукопоглощающие щиты или бесконечные поля с овцами. Скучища. Два моста — Сторбельт и Лиллебельт — разбавляют однообразие на несколько минут, но вот они позади, и снова — щиты, поля, овцы.

Кажется, я засыпаю, а когда открываю глаза — мы уже в Хольстеде. И я сразу понимаю: все, мир кончился. Это dead end. Тупик. Конечная станция. И дело не в том, что, когда выглядываю из окна в нашем новом доме, я вижу только пустое поле с полоской леса на горизонте и громадой неба сверху. Точнее, не только в этом. Дорогой дневник, я как-то смотрела по телику программу о городах-призраках в Америке. Кучка пустых домишек посреди пустыни, хлопающие на ветру ставни, перекати-поле на улицах — и ни одной живой души. Вот! Это Хольстед. Только вместо пустыни — поля с торчащими из голой земли обрубками кукурузных стеблей. А вместо перекати-поле — смерчки из опавших листьев. И да — ни человечка на вымерших улицах. Даже цветы в горшках за пыльными стеклами низких домов кажутся давно высохшими или бутафорскими. И еще тишина. Тишина, в которую глядится небо — ведь надо же ему в чем-нибудь отражаться.

Может, я все еще сплю в машине и все это мне снится? Сейчас ущипну себя за руку. Блин, больно. И я все еще здесь. Ненавижу Хольстед!

13 октября

Я все еще ненавижу это место.

Выбрала себе комнату на втором этаже с окнами на улицу. Сжатое поле наводит на меня тоску. А отсюда я хотя бы могу смотреть на дома соседей. И заглядывать в сад напротив. Он окружен высоченной живой изгородью, так что с дороги фиг что разглядишь. А вот из моей спальни — пожалуйста. Изгородь, кстати, подстрижена очень красиво: верх у нее не плоский, как у всех, а в виде гребня, как замковая стена. Таких изгородей раньше я нигде не видела, даже в парке. Газон тоже

идеально ухожен, как и клумбы с розами. Мама бы отдала им должное, ну а я к этим зализанным зазнайкам равнодушна. Мне всегда больше нравились георгины — они ведь бывают разные: маленькие и огромные, гладкие шарообразные и востребованные, одноцветные и такие пестрые, что в глазах рябит. Это мой цветок — георгин. Впрочем, может, и георгины в соседском саду есть — просто отцвели уже?

Вот, перечитала, что я тут понаписала — полная чушь! Ну не умею я писать дневники. Занялась этим, только чтобы как-то использовать мамин подарок. Даже не помню, когда она мне подарила эту тетрадку, на день рождения или на Рождество? В каком году? Точно не в прошлом, я бы запомнила. Хотя... Мама никогда не дарит мне то, что я прошу. Она всегда покупает вещи, которые, как ей самой кажется, нужны мне. Например, гитару. Это такой намек: пора бы тебе, доченька, заняться музыкой. Или видеуроки «Идеальная фигура за две недели» — даже думать не хочется, на что это был намек. Но все рекорды, пожалуй, побил кактус — чудовище в полтора метра высотой и с двадцатисантиметровыми колючками. Значение этого подарка я так и не смогла угадать, поэтому пришлось спросить прямо. Мама совершенно серьезно ответила: «Чили, лапочка, мне кажется, настало время тебе учиться о ком-то заботиться. Это твой первый питомец». Вообще-то я хотела собаку. Но ма решила, что я должна начать с первого уровня, а не прыгать сразу на двадцатый. Кактус сдох через месяц. Когда мы везли его на помойку, мама ругалась, что в магазине ее обманули. Ей сказали, что этот вид происходит из мексиканской пустыни и выносит засуху и перепады температуры до 30 градусов.

В багажник, кстати, кактус не влез, и пришлось положить его на заднее сиденье. Угадайте, на что я села, когда поехала с родителями на очередное совместное мероприятие под лозунгом «Проводите больше времени с вашим ребенком»? Правильно. Колючки у меня из попы вытаскивал папа: маме от зрелища ягодиц, похожих на подушечки для булавок, стало дурно.

Гитару и видеуроки аэробики я сдала в секунд-хенд, когда мы разбирали домашний хлам перед переездом. Приторно розовая тетрадка в крылатых лошадях, бриллиантиках и с замоч-

ком должна была отправиться туда же. Я просто совершенно про нее забыла. А вспомнила, когда обнаружила среди своих книг, плотно набитых в коробку с надписью *одеяла, подушки*. Грузчики жутко ругались, когда ее волокли. «Че это у них за гребаные одеяла, мэн! Они в них че, завернули дедушку своего долбанутого в центнер весом?» «Ага, только сначала порубили его на куски». Придурки думали, я не слышу. Короче, на упаковке мне никогда не работать — уволят в первый же день.

Выкидывать тетрадку мне стало жалко. Где тут секондхендовские контейнеры, я еще не знаю. Может, их вообще в этой дыре нет. Вот я и стала вести дневник. Не для того чтобы познать себя и заняться саморазвитием личности, как надеялась мама. Я собираюсь познать совсем другое. Есть в этом Хольстеде что-то такое... жутковато странное. От чего бегают мурашки по коже. И в то же время — привлекательное. Такая ущербная красота, какая бывает в руинах и заброшенных зданиях. Я, конечно, мало еще что тут видела, но...

Блин! Я только что установила зрительный контакт с первым обнаруженным аборигеном! Пришлось прервать писанину из-за шума. Сначала я думала, папа наконец нашел пылесос. Но жужжание вроде доносилось снаружи. С какой стати папе пылесосить крыльцо? Я высунулась в окно. Источником звука оказался странный агрегат, похожий на трубу с ручкой и мешком. Он засасывал с газона опавшие листья и находился в руках соседа из дома напротив. Сосредоточенно работавший мальчишка вполне мог оказаться моим ровесником, а мог учиться и класса на два младше — в этом возрасте по парням не поймешь. Бывает, ему только тринадцать, а он вымахал под потолок. А бывает, что пятнадцатилетний пиццит цыпленком и макушкой тебе в подбородок упирается.

Это я к тому, что сосед мой оказался из малахольных. А если его прикид отражает местное представление о моде, то мне явно придется пересмотреть свой гардероб, чтобы вписаться в стадо. Клетчатая рубашка, фланелевая, линиялая и такая здоровенная, что свисала чуть не до колен; куцые джинсики до лодыжек, а в довершение всего — клоги, размером больше напоминающие выброшенные на мель корабли. Причем надетые на босые ноги.